

ТЕОЭСТЕТИКА

BEAUTY

Roger Scruton

Роджер Скрутон

К
Р А
С О
Т А

Москва · «Теоэстетика» · 2021

ISBN 978-5-6046384-0-8

© Horsell's Farm Enterprises
Limited, 2011

© Фонд «Теоэстетика», 2021

© Бандуровский К. В.
(перевод), 2021

Содержание

- 10 ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

- 14 ПРЕДИСЛОВИЕ НАУЧНОГО РЕДАКТОРА
- 14 Зачем говорить о том, что ускользает от слов?
- 16 Простой непростой вопрос
- 19 Между постмодернизмом и метафизикой
- 24 Объективность красоты как отблеск
 трансцендентного
- 25 Забытая эстетика природы
- 29 Красота — ориентир в хаосе оценок
- 35 Снова начать удивляться

- 37 Глава 1. СУЖДЕНИЕ О КРАСОТЕ
- 40 Истина, благо и красота
- 44 Несколько трюизмов
- 47 Парадокс
- 49 Минимальная красота
- 53 Некоторые последствия
- 57 Два понимания красоты
- 59 Средства, цели и созерцание
- 62 Желание индивидуального
- 64 Оговорка

- 67 Красота и чувства
- 71 Незаинтересованный интерес
- 74 Удовольствие без интереса
- 80 Объективность
- 81 Двигаемся дальше

- 83 Глава 2. КРАСОТА ЧЕЛОВЕКА
- 90 Логическое замечание
- 92 Красота и желание
- 93 Eгōs и платоническая любовь
- 96 Созерцание и желание
- 98 Индивидуальный объект
- 102 Красивые тела
- 106 Прекрасные души
- 108 Красота и священное
- 111 Детство и девственность
- 114 Красота и очарование
- 115 Интерес без интереса

- 117 Глава 3. КРАСОТА ПРИРОДЫ
- 119 Универсальность
- 121 Два аспекта природы
- 123 Открытие природы
- 124 Эстетика и идеология
- 125 Возражение
- 127 Универсальная значимость красоты природы
- 131 Природа и искусство
- 135 Феноменология эстетического опыта
- 137 Возвышенное и красивое

- 140 Пейзаж и замысел
- 144 Целесообразность без цели

- 147 Глава 4. ПОВСЕДНЕВНАЯ КРАСОТА
- 149 Сады
- 152 Рукоделие и столярные работы
- 156 Красота и практическое мышление
- 158 Основание и внешний вид
- 161 Согласие и смысл
- 164 Стиль
- 166 Мода
- 167 Постоянство и мимолетность
- 169 Соответствие и красота

- 171 Глава 5. КРАСОТА В ИСКУССТВЕ
- 173 Шутки в сторону
- 176 Искусство в функциональном аспекте
- 178 Искусство и развлечение
- 180 Один пример
- 183 Фантазия и реальность
- 187 Стиль
- 189 Содержание и форма
- 196 Представление и выражение
- 200 Выражение и эмоции
- 204 Смысл в музыке
- 206 Музыкальный формализм
- 208 Форма и содержание в архитектуре
- 213 Смысл и метафора
- 218 Ценность искусства

- 220 Красота и истина
223 Искусство и нравственность
- 227 Глава 6. ВКУС И ПОРЯДОК
229 Общее устремление
233 Субъективность и основания
239 Поиск объективности
241 Объективность и универсальность
242 Правила и оригинальность
245 Стандарт вкуса
- 247 Глава 7. ИСКУССТВО И ERŌS
249 Индивидуальность
253 Небесная и земная красота
256 Эротическое искусство
259 Eḡōs и желание
261 Искусство и порнография
263 Мягкая порнография
267 Моральный вопрос
270 Красота и eḡōs
- 273 Глава 8. БЕГСТВО ОТ КРАСОТЫ
278 Апология модернизма
279 Традиция и ортодоксия
282 Бегство от красоты
287 Священное и профанное
290 Идолопоклонство
294 Профанация
296 Антропологические замечания

298 Красота и удовольствие

300 Удовольствие и зависимость

302 Святость и китч

307 Китч и осквернение

311 Глава 9. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ МЫСЛИ

317 ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА
ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ

317 1. Ко всему тексту

320 2. К главам и разделам

355 ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

362 УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Предисловие автора

Красота может быть утешающей, тревожащей, священной, профанной, она может быть волнующей, притягательной, вдохновляющей, бросающей в озноб. Она может влиять на нас бесконечным числом способов. Но никогда она не воспринимается безразлично: красота требует, чтобы ее заметили; она говорит с нами напрямую, подобно голосу близкого друга. Если есть люди, которым безразлична красота, то, несомненно, это случается потому, что они ее не воспринимают.

Однако суждения о красоте — дело вкуса, а вкус, по всей видимости, не имеет рационального обоснования. А если это так, то как объяснить то высокое место, которое красота занимает в нашей жизни, и почему мы должны были бы оплакивать исчезновение (если оно случилось) красоты из нашего мира? И если дело обстоит так, что красота и благо могут расходиться, как считали многие писатели и художники со времен Бодлера и Ницше, то как вещь может быть красивой именно с учетом ее аморальности?

Более того, если вкусы по своей природе бывают различными, то как стандарт, утверждаемый

согласно вкусу одного человека, может быть использован, чтобы судить о вкусе других? Как, например, мы можем утверждать, что один вид музыки превосходит другой или уступает ему, если сравнительные суждения просто отражают вкус того, кто их высказывает?

Этот распространенный релятивизм заставил некоторых людей отбросить суждения о красоте как чисто «субъективные». Такие люди утверждают, что нельзя критиковать ничей вкус, поскольку критиковать вкус одного значит просто предоставить голос другому. Следовательно, невозможно учиться или учить тому, что могло бы потенциально заслуживать титул «критики». Такое отношение поставило под вопрос многие традиционные гуманитарные дисциплины. Исследование искусства, музыки, литературы и архитектуры, освобожденное от дисциплины эстетического суждения, по-видимому, не имеет надлежащего основания в традициях и методах, которые позволяли нашим предшественникам считать эти науки ядром учебной программы. Отсюда и нынешний кризис гуманитарных наук: есть ли смысл изучать наше художественное и культурное наследие, коль скоро суждение о его красоте не имеет рационального обоснования? А если мы изучаем его, разве это не должно осуществляться в скептическом духе, ставящем под сомнение притязания этого наследия на объективную авторитетность и деконструирующем трансцендентность его положения?

Когда ежегодная премия Тёрнера, учрежденная в память о величайшем художнике Англии, присуждается еще одной группе бойких однодневок, разве это не доказывает, что нет никаких стандартов, что лишь мода диктует, кто получит награду, а кто нет, и что бессмысленно искать объективные принципы вкуса или общее представление о прекрасном? Многие люди отвечают «да» на эти вопросы и в итоге отказываются от попыток критиковать либо вкус, либо мотивы жюри премии Тёрнера.

В этой книге я высказываю предположение, что подобные скептические рассуждения о красоте необоснованны. Я утверждаю, что красота — это реальная и общечеловеческая ценность, укорененная в нашей разумной природе, и что чувство красоты играет незаменимую роль в формировании мира людей. Мой подход к этой теме не является историческим, равным образом я не заинтересован в том, чтобы дать психологическое (а еще менее эволюционное) объяснение чувству красоты. Мой подход — философский, и главные источники моих аргументов — труды философов. Суть этой книги в аргументации, которая в ней развивается и которая призвана задать философский вопрос и вдохновить вас, читателей, ответить на него.

Некоторые части из этой книги обрели свое существование в других изданиях, и я благодарен издателям «Британского журнала эстетики», «Литературного приложения Таймс», «Философии»

и «Городского журнала» (*British Journal of Aesthetics, the Times Literary Supplement, Philosophy, City Journal*) за разрешение использовать материалы, которые уже появились на их страницах. Я также благодарен Кристиану Брюггеру, Малкольму Бадду, Бобу Гранту, Джону Хайману, Энтони О'Хиру и Дэвиду Уиггинсу за полезные комментарии к черновым вариантам. Они уберегли меня от многих ошибок, а за оставшиеся ошибки, в которых виноват лишь я, приношу свои извинения.

Роджер Скрутон
Сперривилл, Виргиния
Май, 2008 г.

1

Суждение о красоте

Мы усматриваем красоту в конкретных объектах и в абстрактных идеях, в созданиях природы и в произведениях искусства, в вещах, животных и людях, в предметах, качествах и действиях. По мере того как этот список расширяется, охватывая почти все категории бытия (существуют красивые высказывания и красивые миры, красивые доказательства и красивые улитки, даже красивые болезни и красивые смерти), становится очевидным, что мы описываем не такие качества, как форма, размер или цвет, явленные каждому, кто идет по своему пути в физическом мире. Сразу возникает вопрос: как может существовать единое свойство, присущее столь разным вещам?

Но почему бы и нет? В конце концов, мы описываем песни, пейзажи, настроения, запахи и души как «голубые»*: разве это не иллюстрирует то, что может существовать единое свойство, подпадающее под многие категории? Ответ: нет. Ведь хотя и возникает чувство,

* Здесь имеет место неперевоаемая игра слов, основанная на использовании слова «blue» в англоязычном обиходе. Русский читатель, чтобы понять мысль автора, может вспомнить, как

что все эти вещи могут быть голубыми, они не могут быть голубыми в том же смысле, что и мое пальто. Описывая такое множество типов вещей как «голубые», мы используем метафору — то, что для правильного понимания требует прыжка воображения. Метафоры порождают такие связи, которые не содержатся в ткани реальности, но создаются нашими собственными ассоциативными способностями. Важный вопрос о метафоре заключается не в том, что за свойство она обозначает, а в том, какой опыт она предлагает.

Но ни в одном из своих обычных употреблений слово «красивый» не является метафорой, даже если, как и многие другие метафоры, оно охватывает неопределенно многие категории объектов. Так почему же мы называем вещи красивыми? На что мы указываем и какое душевное состояние выражает наше суждение?

Истина, благо и красота

Существует заманчивая идея относительно красоты, которая восходит к Платону и Плотину и которая различными путями вошла в христианское богословское мышление. Согласно этой идее, красота — высшая ценность, которую мы преследуем ради нее самой и для стремления к которой не нужно

молодая Наташа Ростова описывает графа Безухова в задушевном разговоре с татан: «Безухов — тот синий, темно-синий с красным, и он четвероугольный». — *Здесь и далее прим. пер.*

иметь никаких дополнительных причин. Поэтому красоту можно сравнивать с истиной и благом; она одна из троицы предельных ценностей, оправдывающих наши рациональные наклонности. Почему мы убеждены в p ? Потому что это истина. Почему желаем x ? Потому что оно благое. Зачем взирать на y ? Потому что оно красиво. В каком-то смысле, как утверждают философы, эти ответы равноценны: каждый вводит наш ум в сферу рационального, соединяя его с чем-то, к чему тот по своей природе стремится. Тот, кто спрашивает: «Зачем верить в то, что истинно?» или: «Зачем желать то, что благо?» — не может понять природу подобного обоснования. Он не понимает, что если мы должны вообще оправдывать наши убеждения и желания, то наши основания должны быть укоренены в истине и благе.

Но верно ли это по отношению к красоте? Если кто-то спросит меня: «Почему ты восхищаешься x ?» — то будет ли ответ «потому что оно красивое» окончательным, одним из тех, которые непоколебимы контраргументами, подобно ответам «потому что оно благое» и «потому что оно истинное»? Если мы ответим «да», то упустим из виду подрывную природу красоты. Некто, очарованный мифом, может поддаться искушению поверить в него, и в этом случае красота — враг истины (ср. у Пиндара: «Красота, наделившая мифы признаньем, представляет неверное верным». Первая олимпийская ода). Мужчина, которого привлекает женщина, может поддаться

искушению и попустительствовать ее порокам, и в этом случае красота — враг блага (см.: Аббат Прево, «Манон Леско», где описывается нравственная гибель кавалера де Грие из-за прекрасной Манон). Мы считаем, что благо и истина никогда не соперничают, и стремление к одному всегда совместимо с надлежащим уважением к другому. Однако стремление к красоте гораздо более сомнительно. От Кьеркегора до Уайльда «эстетический» образ жизни, в котором красота преследуется как высшая ценность, противопоставляется добродетельной жизни. Любовь к мифам, рассказам и ритуалам, потребность в утешении и гармонии, глубокое стремление к порядку — все это притягивало людей к религиозным верованиям, независимо от того, истинны ли они. Проза Флобера, образы Бодлера, гармонии Вагнера, чувственные формы Кановы — все это обвинялось в безнравственности теми, кто верил, что эти произведения изображают порок соблазняющими красками.

Мы не обязаны соглашаться с такими суждениями, чтобы признать их значимость. Статус красоты как высшей ценности сомнителен, в отличие от статуса истины и добра. Отметим хотя бы, что этот особый путь к пониманию красоты нелегок для современного мыслителя. Та уверенность, с которой некогда выступали философы, связана с предположением, уже ясно высказанным в «Эннеадах» Плотина, что истина, красота и благо являются атрибутами божества, теми способами, которыми божественное единство становится

известным человеческой душе. Это богословское видение было отредактировано для христианского использования святым Фомой Аквинским и изложено в тонких и всеобъемлющих рассуждениях, которыми этот философ по праву славится. Но это не та точка зрения, которую мы можем принять, и я предлагаю на время отставить ее в сторону, рассматривая понятие красоты без каких-либо богословских утверждений.

Однако стоит отметить собственный взгляд Аквината на этот вопрос, так как он затрагивает глубокие противоречия в философии красоты. Аквинат рассматривал истинное, благое и единое как трансценденталии — свойства реальности, которыми обладают все вещи, коль скоро они являются аспектами бытия, способами, с помощью которых высший дар бытия становится явным для понимания. Его взгляды на красоту более подразумеваются, чем высказываются; тем не менее он писал так, как будто и красота является такой трансценденталией (и это один из способов объяснить уже сказанное: что красота относится к любой категории). Он также считал, что, в конечном счете, красота и благо тождественны, являются отдельными способами рационального восприятия единой позитивной реальности. Если это так, то что такое уродство и почему мы его избегаем? И как могут быть опасные красавицы, развратные красавицы и аморальные красавицы? Или, если такие вещи невозможны, почему они невозможны и что вводит нас в заблуждение, заставляя думать

обратное? Я не утверждаю, что у Аквината нет ответов на эти вопросы. Но эти вопросы иллюстрируют противоречия, с которыми сталкивается любая философия, ставящая красоту в один метафизический план с истиной, чтобы укоренить ее в сердце бытия как такового. Естественный ответ состоит в том, чтобы сказать, что красота — это вопрос явления, а не бытия; и, вероятно, исследуя красоту, мы исследуем чувства людей, а не глубинную структуру мира.

Несколько трюизмов

Таким образом, мы должны извлечь урок из философии истины. Попытки раскрыть истину, рассказать нам, чем является истина глубоко и по существу, редко убеждают, так как они всегда завершаются утверждением того, что, как предполагалось, они должны были бы доказать. Как можно определить истину, не предполагая заранее разницы между истинным определением и ложным? Вступая в единоборство с этой проблемой, философы предположили, что теория истины должна соответствовать определенным логическим трюизмам и что эти трюизмы, которые могут показаться безобидными нетеоретическому глазу, являются высшей проверкой любой философской теории. Например, существует трюизм, согласно которому если предложение s истинно, то истинно и предложение « s истинно», и наоборот. Существуют трюизмы, что одна истина не может противоречить другой, что